

ГЕНДЕР В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: АНАЛИЗ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

Введение

Профессия «Социальная работа» способствует социальным изменениям, решениям проблем в отношениях между людьми, мобилизации и освобождению индивидов и групп ради гарантии их благополучия. Фундаментальными для социальной работы являются принципы прав человека и социальной справедливости. Профессиональные социальные работники являются агентами изменений в обществе в целом и жизни отдельных индивидов, семей и сообществ, которые они обслуживают, стремясь при этом исключить все формы дискриминации, в том числе и по признаку пола. Следовательно, образование по социальной работе должно быть свободно от сексизма.

Этический кодекс социальной работы², Гендерная стратегия Российской Федерации, законопроект «О равных правах и равных возможностях для женщин и мужчин»³, Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 350500 «Социальная работа» от 2000 г. артикулируют эту позицию. Госстандартом курс «Гендерология и феминология» признан обязательным в числе специальных дисциплин (СД. 02). Помимо этого, в дисциплинах Госстандарта можно найти целый ряд дисциплин, которые с очевидностью выходят на гендерную проблематику: «Семьеведение», «Социальная геронтология», «Проблемы социальной работы с молодежью», «Социальная политика». Сложившаяся ситуация в целом благоприятствует развитию гендерного компонента в образовательной программе по социальной работе.

В данном исследовании ставилась задача проанализировать гендерные аспекты дискурса учебной литературы по социальной политике и социальной работе, способы освещения гендерной тематики в учебной литературе по социальной работе, выяснить, представлено ли гендерное равенство на повестке дня образования по социальной политике и социальной работе. Репрезентация гендерной тематики анализируется в аспектах не только наличия интересующей нас проблематики, но и умолчания о ней. Как указывает Дж. Титус, хотя общее содержание может быть свободным от сексизма, невысказанные сообщения говорят нам об избирательном невнимании текста к гендеру и об отношении к сексизму и угнетению как к незначительным и неважным темам⁴. Эти умолчания, как и мимолетные упоминания тем, не получающих затем раскрытия и не

© Ярская-Смирнова Е. Р., 2006

¹ Экспертиза учебников проведена в рамках проекта Московского центра гендерных исследований при поддержке Фонда Дж. и К. Макартуров, руководитель проекта д-р филос. наук О. А. Воронина.

² В соответствии с Профессионально-этическим кодексом социального работника России, принятым Межрегиональной ассоциацией работников социальных служб 22 мая 1994 г., социальный работник должен действовать таким образом, чтобы исключить несправедливость по отношению к любому человеку или группе на основании национального происхождения, убеждений, сексуальной ориентации, психических или физических недостатков, чтобы расширить личностные возможности всех людей, с особым вниманием относясь к тем, кто испытывает трудности и проблемы.

³ В законопроекте рекомендовано введение гендерных курсов во всех без исключения вузах России.

⁴ Titus J. Gender messages in education foundations textbooks // Journal of Teacher Education. 1993. № 44. P. 38, 42. Цит. по: Grise-Owens E. Sexism and the Social Work Curriculum: A Content Analysis of the Journal of Social Work Education // AFFILIA. 2002. Vol. 17. № 2. P. 150.

разрабатывающихся в качестве концептуального объяснения реальности, обладают большой властью. И хотя эксплицитный сексизм в учебной литературе довольно редок, нечаянный или неявный сексизм, как и неспособность обсуждать гендерное равенство как важную проблему социальной работы и социальной политики, следует подвергать своевременной критике⁵. Данное исследование делает акцент как на эксплицитных («что сказано»), так и на имплицитных («что не сказано») аспектах измерения гендера в учебных пособиях.

В данном исследовании было проанализировано 42 учебных пособия по основным и специальным курсам учебного плана специальности «Социальная работа», большая часть которых была издана с 1999 по 2004 г. Критериями отбора выступали следующие: представленность издания на рынке книжной продукции (известное издательство, массовый тираж); наличие грифа Министерства образования или учебно-методического объединения (УМО) вузов, ведущих подготовку в соответствующей области; прямое соответствие образовательной программе по социальной работе. Одно пособие предназначено для студентов учреждения среднего профессионального образования, изучающих социальную работу. Все отобранные для анализа источники вышли в свет в крупных издательских компаниях Москвы и Санкт-Петербурга, 28 изданий имеют гриф — рекомендацию, выданную авторитетной организацией, оказывающей ключевое влияние на образовательную политику (УМО или Минобрнауки России).

О чем молчат учебники?

Весь корпус учебной литературы по итогам анализа можно условно разделить на четыре группы по степени присутствия категории гендера в учебном тексте. К первой группе можно отнести издания, которые умалчивают о гендере. Таковых оказалось 14, причем среди них были и те, которые должны были бы отражать гендерную специфику. Так, история социальной работы⁶ более полно была бы представлена с учетом деятельности женского движения конца XIX — начала XX в., роли женских организаций в советское время, а также с акцентом на идеологии гендерного равенства при социализме. История социальной работы в России в изложении Е. И. Холостовой и В. П. Мельникова⁷ в одном из параграфов освещает влияние императрицы Марии Федоровны на развитие филантропии. Кроме того, в пособии упоминается организация в конце XIX в. специализированных мастерских для женщин (с. 67). Однако и здесь опыт мужчин и женщин, различия в характере отношений с институтами социальной защиты в фокус внимания автора не попадают.

Отсутствие символов гендера является признаком, по которому можно классифицировать материал. Умолчание может быть расценено либо как идеологически нейтральная, либо как идеологически слепая позиция. Некоторые издания, хотя и разрабатывают гендерно-чувствительную тематику, демонстрируют слепую идеологическую позицию, очевидно, ввиду исторически сложившихся и уже не замечаемых отношений гендерного неравенства. В частности, учебное пособие по социальной защите инвалидов⁸ может быть примером как гендерно-нейтральной, так и гендерно-слепой позиции. С одной стороны, в пособии излагаются основы отечественного законодательства, которое является прогрессивным в его гендерно-нейтральной риторике (например, речь идет не о матерях, а о родителях детей-инвалидов). С другой стороны, хотя автор и упоминает некоторые трудности реализации законодательства, проблемы

⁵ *Grise-Owens E.* Op. cit. P.150.

⁶ *Фирсов М. В.* История социальной работы в России: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2001.

⁷ *Мельников В. П., Холостова Е. И.* История социальной работы в России: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Маркетинг, 2002.

⁸ *Антипьева Н. В.* Социальная защита инвалидов в Российской Федерации: правовое регулирование: Учеб. пособие. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002.

дискриминации, различного влияния законов на жизнь людей в зависимости от их пола — как инвалидов, так и родителей детей-инвалидов — не рассматриваются.

Гендерно-нечувствительными оказались «Социальная политика»⁹, «Социальная реабилитация»¹⁰ и ряд других пособий¹¹. Между тем гендерный анализ социальной политики позволяет осуществить критический разбор современных институтов государственного управления социальной сферой, в том числе социального обеспечения, семейной политики, занятости, здравоохранения. Такой анализ дает не только новые знания в сфере социальной политики, но и возможность проникнуть в суть социальной работы с феминистских позиций, а также предоставляет исследовательские данные и инструменты, необходимые для того, чтобы осуществить значительные улучшения практики социального обслуживания. Ведь как история, так и современное состояние социальной политики в России и за рубежом предоставляют множество доказательств того, что гендерные проблемы в сферах здравоохранения, жилищной политики, пенсионного обеспечения, политики занятости, охраны материнства и детства, семейной политики зачастую недооцениваются или игнорируются.

Гендерные персонажи: «физиологические и иные особенности»

В тринадцати изданиях появляется персонаж, наделенный половыми признаками. Обычно это женщина. И хотя гендерная терминология (гендер, феминность/маскулинность, сексуальность, патриархальность) здесь не используется, но возникают коды половых признаков (женщина), женских ролей (материнство)¹², как и соответствующих прав¹³, льгот и гарантий, которые предоставляются «отдельным категориям работников с учетом их физиологических и иных особенностей»¹⁴. В частности, речь идет об особенностях трудоустройства женщин, назначения им уголовного наказания, правах на пособия и пенсионное обеспечение.

Так, в книге «Социальное государство»¹⁵ однажды упоминаются мужчины и женщины — в связи с Конвенцией Международной организации труда о равном вознаграждении за труд равной ценности (с. 152). Интересно, что среди принципов социального государства, как и среди критериев и показателей управления социальными процессами, развития социальной сферы (с. 228, 233) принципы или индикаторы гендерного равенства отсутствуют (с. 234).

В пособии «Психология социальной работы: содержание и методы психосоциальной практики»¹⁶ говорится о важности проблемы психосоциальной работы с семьей, однако члены семьи упоминаются в «бесполом» варианте: супруги, дети, клиент (семья), члены

⁹ *Холостова Е. И.* Социальная политика: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2001.

¹⁰ *Холостова Е. И., Дементьева Н. Ф.* Социальная реабилитация: Учеб. пособие. М.: Дашков и К, 2002.

¹¹ Теория и методология социальной работы: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Под ред. С. И. Григорьевой. М.: Наука, 1994; *Осадчая Г. И.* Социология социальной сферы: Учеб. пособие. М.: Академический проект, 2003; *Медведева Г. П.* Этика социальной работы. М.: ВЛАДОС, 2002; *Никитина Л. Е.* Социальная педагогика. М.: Академический проект, 2003; *Холостова Е. И.* Социальная работа: Учеб. пособие. М.: Дашков и К, 2004; *Пантелеева Т. С., Червякова Т. А.* Экономические основы социальной работы. М.: ВЛАДОС, 2001; *Акатов Л. И.* Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. М.: ВЛАДОС, 2004.

¹² *Зубкова Т. С., Тимошина Н. В.* Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей и семьи. М.: Academia, 2003; *Климантова Г. И.* Государственная семейная политика современной России: Учеб. пособие. М.: Дашков и К, 2004; Социальная работа: теория и практика: Учеб. пособие / Отв. ред. Е. И. Холостова, А. С. Сорвина. М.: ИНФРА-М, 2001.

¹³ *Антипьева Н. В.* Указ. соч.; *Волгин Н. А., Гриценко Н. Н., Шарков Ф. И.* Социальное государство: Учебник. М.: Дашков и К, 2003.

¹⁴ Трудовое право России: Учеб. пособие / Под ред. Л. Н. Анисимова. М.: ВЛАДОС, 1999. С. 39.

¹⁵ *Волгин Н. А., Гриценко Н. Н., Шарков Ф. И.* Указ. соч.

семьи. Код «Женщины» возникает в разделе «Основные виды социальной работы с группой», где в качестве примера групп самопомощи приводятся группы «национальной организации женщин (женщин, борющихся за свои права)» (с. 167).

Известно, что данная профессия, как и любая другая эмоциональная работа, требует от специалистов особых умений самоуправления, предотвращения эффекта сгорания и других профессиональных навыков. Этим обусловлено появление специального учебного пособия по основам психологической самопомощи социального работника¹⁷, где в начале бегло упоминается феминизм как один из влиятельных источников формирования профессии: «Социальная работа как профессия в западной модели помощи возникает из добровольного общественного движения феминисток и либерально-демократической оппозиции. Аналогичная тенденция наблюдается и в России» (с. 6). Эту весьма некорректную аналогию о путях развития социальной работы в России и на Западе автор никак не обосновывает.

Надо сказать, что практически во всех проанализированных изданиях используется гендерно-неспецифическая терминология: ребенок, подросток, лицо, клиент, специалист, студент, старики и пенсионеры, инвалиды, бездомные, мигранты. Аналогично используются сочетания «пожилой человек», «социальный работник», «больной». Усиленный прилагательными, мужской грамматический род становится менее нейтральным и в большей степени определяющим смысловой контекст. А такие термины, как «семья и дети», «молодежь», «одинокое престарелые», «одинокое пожилые граждане и супружеские пары», и вовсе являются, на наш взгляд, гендерно-слепыми. Лишь однажды в разделе пособия по теории социальной работы¹⁸ нам встретилось употребление термина в женском грамматическом роде: «клиентка». В ряде случаев, говоря о молодежи, авторы упоминают понятия «молодой человек», «молодые люди», хотя в русском языке эти обороты устойчиво ассоциируются именно с мужчинами. И. Грайз-Оуэнс¹⁹, например, считает подобные словоупотребления сексистскими.

Во всех проанализированных изданиях, говоря о людях, авторы применяют местоимения мужского рода. В пособии «Социальная работа: теория и практика»²⁰ представлен довольно типичный для всех изданий стиль изложения: «В какой бы сфере ни работал социальный работник, *он* обязан исходить из принципиальной профессиональной позиции: человек должен иметь условия, необходимые *ему* для развития и достойной жизни...» (с. 244); «...приспособление индивидуума к жизни и труду, *его* бытовое и трудовое устройство» (с. 227); «Ценностными установками всех разновидностей профессиональной социальной работы является уважение чести и достоинства человека, неповторимости и уникальности *его* личности» (с. 393) (здесь и далее курсив мой. — Е. Я.-С.).

Упомянутое пособие содержит главу «Социальная работа с различными группами населения», где на 67 страницах (с. 175—242) обсуждаются вопросы работы с семьей и детьми, пожилыми, инвалидами и молодежью. Гендерные коды встречаются только в параграфе о семье и детях, причем исключительно в аспекте материнства — охрана здоровья матери и ребенка (с. 177), помощь одиноким матерям (с. 183).

Гендер как переменная

¹⁶ Фирсов М. В., Шатино Б. Ю. Психология социальной работы: содержание и методы психосоциальной практики: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Academia, 2002.

¹⁷ Золотарева Т. Ф., Минингалиева М. Р. Основы психологической самопомощи социального работника: Учеб. пособие. М.: МГСУ, 2001.

¹⁸ Фирсов М. В., Студенова Е. Г. Теория социальной работы: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2000.

¹⁹ Grise-Owens E. Op. cit.

²⁰ Социальная работа: теория и практика.

Обращение к гендерным различиям как демографическому конструкту — отличительная черта следующей группы пособий, в которую вошло 14 книг. Здесь гендер играет роль переменной, от которой, как показывают авторы, зависит степень остроты социальной проблемы, уровень переживания стресса, особенности жизненной траектории и характер требуемой помощи. В девяти пособиях гендер как переменная возникает внутри одного или нескольких разделов, а в пяти является структурным компонентом книги, будучи вынесенным в оглавление.

Половые различия и социальная работа

Рассмотрим вначале те образцы учебной литературы, где категория гендера не выделяется в качестве структурной единицы текста — раздела, параграфа, главы, но затрагиваются ее понятийные области как переменной. В некоторых пособиях нам встречается понятие «половые различия» (или «половозрастные»). Во введении к пособию «Практикум социального работника»²¹ среди качеств специалиста отмечается умение оказывать социальную помощь различным половозрастным, этническим группам населениям (с. 3).

Половые различия в подверженности и влиянии травматических событий рассматриваются в пособии по клинической психологии в социальной работе²²: «Мужчины чаще подвержены всякого рода несчастным случаям (аварии, ДТП), чем женщины. Женщины значительно чаще подвергаются сексуальному насилию, чем мужчины» (с. 69). Здесь обнаружены только проявления дифференциации, но не обсуждаются ее причины. Тем самым «различия» показаны как естественный биологический факт, а не как следствие разделения труда в обществе, распространения патриархатных установок и практик насилия.

Вопросы реабилитации инвалидов можно преподнести в гендерно нейтральном ключе, поскольку многие аспекты лечения, восстановления навыков, адаптации детей и взрослых, ставших инвалидами, к новым условиям их жизни, вопросы абилитации, т. е. развития новых жизненно важных способностей и умений в одинаковой степени относятся ко всем. С другой стороны, в развитии мальчиков и девочек с детским церебральным параличом есть множество особенностей, которые пока не стали предметом внимания отечественных специалистов. Единственная гендерно специфическая сторона детского развития, на которой сделан акцент в учебном пособии Л. В. Мардахаева²³, это повседневное копирование мальчиками своих отцов, а девочками — матерей (с. 19). Монородительские материнские семьи, очевидно, из этой теории выпадают. В то же время в пособии делается больший упор на мать: «...ребенок повседневно копирует тех, кто непосредственно и больше всего общается с ним — это мать (лицо ее замещающее), сестра (брат), бабушка... К сожалению, нередко мама, стараясь, чтобы ребенок не разбил что-то или не мешал ей, небрежно отвергает даже первые попытки проявления инициативы... Мать, общаясь со своим ребенком с первых дней, стимулирует развитие у него потребности в социальном общении» (с. 19—20, 22). Правда, с возрастом «наибольшей внушающей силой... у мальчиков становится отец или старший брат; у девочек — мать или старшая сестра» (с. 21). Автор убежден, что «не все родители могут адекватно оценивать состояние своего ребенка. Мать распознает двигательные нарушения у ребенка не с помощью тестов на рефлексy, а посредством непосредственного наблюдения за ним. Она, замечая, что у ребенка что-то не так, как должно быть, проявляет беспокойство, обращается к медицинским работникам и по их

²¹ Козлов А. А., Иванова Т. Б. Практикум социального работника. Ростов н/Д: Феникс, 2001.

²² Клиническая психология в социальной работе: Учеб. пособие / Под ред. Б. А. Маршнина. М.: Academia, 2002.

²³ Мардахаев Л. В. Социально-педагогическая реабилитация детей с ДЦП: Учеб. пособие. М.: МГСУ, 2001.

направлению прибывает в центр по реабилитации детей с ДЦП» (с. 84). Такое впечатление, что способность матери адекватно реагировать на потребности ребенка является биологическим свойством, объективным фактом, хотя развитие подобных навыков во многом выступает следствием комплекса факторов: постоянного близкого контакта, эмпатии, привязанности, позитивного отношения.

Учебное пособие по этнической психологии²⁴ рекомендовано для студентов, изучающих социальную работу. Код гендерных различий появляется в связи с тревожной демографической и этнокультурной проблематикой: в современной России средняя продолжительность жизни обнаруживает тенденцию к снижению, фиксируется один из самых высоких разрывов между средней продолжительностью жизни у мужчин и женщин и в связи с этим — диспропорция полов для старших возрастов (с. 110, 114—115). Ввиду постарения населения возникает тенденция к снижению его совокупной трудовой активности, при этом «растут маргинальные слои населения», которые пополняются «в основном за счет молодежи, особенно сирот и детей из неблагополучных семей, женщин-работниц, имеющих детей, и матерей-одиночек» (с. 118). Если матери-одиночки уже давно стигматизированы в популярной литературе и дискурсе чиновников²⁵, то появление в списке маргиналов работающих женщин с детьми представляется новым, постсоветским явлением.

В учебном пособии по социальной педагогике²⁶ изложены принципы семейного воспитания. Прежде всего автор раздела о работе с семьей излагает свою точку зрения на факторы, характеризующие разрушение или ослабление семейных связей: «Первое — это почти полное исчезновение труда в семье. Раньше центром всей жизни семьи (воспитательной, внутрисемейной и т. д.) была, как правило, мать, находящаяся всегда дома и оберегающая внутренний духовный мир семьи» (с. 80). Остается только гадать, по каким временам и укладам ностальгирует автор: «Раньше главной заботой женщины была семья. Теперь вследствие облегчения домашнего труда женщина имеет возможность трудиться вне семьи. Культурный уровень современного общества также способствует самостоятельности женщины. Расширение избирательных прав женщины дает ей возможность активно участвовать в деятельности государственных, общественных и политических организаций. Все перечисленное ведет к тому, что семья по существу лишается света, согревающего ее» (с. 78). В подобных изданиях стали уже традиционными нападки на монородительские семьи: «Нередко мать, воспитывая ребенка по своему образу и подобию, тем самым неосознанно толкает его к повторению своей личной жизни, к усвоению стандартов своего поведения» (с. 90). Что же плохого может быть в стандартах поведения одинокой матери и откуда они берутся? Видимо, их недостатки обусловлены дефицитом мужской власти: «Отрицательным образом сказывается на воспитании в такой семье отсутствие авторитета, олицетворяемого отцом» (с. 91). К сожалению, воспитываемые на такой литературе студенты рискуют выучить предубеждения в качестве официальной точки зрения, которую нужно сдавать на зачетах и экзаменах, а возможно, транслировать в последующей профессиональной деятельности.

В учебном пособии «Социальная геронтология»²⁷ подчеркивается биологическая сущность старения, которое связывается с физическим и психическим упадком, болезнями, концом жизни. На обложке, иллюстрируя представления авторов о старости, — фотография пожилой женщины в темном платке; ее поза вызывает жалость к беспомощной и слабой старушке. Гендерные аспекты старения сводятся к следующим:

²⁴ Платонов Ю. П. Основы этнической психологии: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2003.

²⁵ См. о дискурсивном поле монородительских семей: Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная защищенность городской монородительской семья // Мир России. 2004. Т. 13. № 2; Они же. Социальное гражданство одиноких матерей // Гендерная экспертиза социальной политики и социального обслуживания на региональном уровне. Саратов: Научная книга, 2003.

²⁶ Социальная педагогика / Под ред. В. А. Никитина. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002.

²⁷ Яцемурская Р. С., Беленькая И. Г. Социальная геронтология. М.: ВЛАДОС, 1999.

разный возраст выхода на пенсию, различие в средней продолжительности жизни мужчин и женщин, причины этих различий, которые кроются в социальных (характер труда, распространенность алкоголизма, курения и травматизма), а также биологических факторах (рождаемость, смертность, заболеваемость) (с. 29). Здесь можно найти интересную теорию о половых различиях выхода на пенсию: «Среди мужчин значительно чаще, чем среди женщин, в качестве мотивов прекращения трудовой деятельности встречаются плохое самочувствие, низкая самооценка здоровья, ощущение физической слабости, дряхлости; отсутствие работы вблизи дома; отсутствие материальной заинтересованности, невозможность вернуться на старое, привычное место работы. Среди женщин на второе место после низкой самооценки здоровья выступает необходимость ухода за детьми и внуками, занятость домашним хозяйством» (с. 157). Оказывается, «выход на пенсию легче переносится женщинами, чем мужчинами. Это объясняется тем, что женщины в основной массе занимаются профессиональной деятельностью по чисто экономическим причинам, а не для удовлетворения потребностей самореализации. Выход на пенсию женщин, обремененных домашними обязанностями, ведением хозяйства, воспитанием детей, воспринимается ими как серьезное облегчение и удовлетворение» (с. 158). Здесь налицо идеология женской работы, согласно которой основное предназначение женщин — это домашний труд, а их оплачиваемая занятость временна и неосновательна²⁸.

«Добавить женщину и перемешать»

Следующая группа учебных пособий представлена пятью изданиями, в оглавлении которых присутствует категория гендера. Учебное пособие по социальной работе²⁹, рекомендованное Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, содержит параграф «Феминология», где на шести страницах в весьма позитивной трактовке рассказывается о феминизме как социальном движении и теории, выдержан объективно-научный тон изложения (с. 440—445). Вместе с тем в других разделах этого пособия дается довольно однозначная характеристика разводов в аспекте их отрицательного влияния на нравственно-психологическое развитие детей, а также сообщается, что нормы, паттерны поведения и взаимоотношений в неполной семье не могут быть подходящим примером, тогда как в «родительской» семье молодежь имеет образцы для подражания в распределении ролей, прав и обязанностей. В неполной семье «мать вынуждена выполнять множество несвойственных ей чисто мужских функций и ролей, в результате чего дети получают одностороннее воспитание. У разведенной женщины-матери нередко формируется сугубо отрицательный комплекс чувств к мужчинам, к брачной и семейной жизни, а следовательно, и у детей могут сложиться деформированные и искаженные представления о супружестве и семье» (с. 438—439). Подобные высказывания демонизируют монородительские семьи, возлагая на них вину и приписывая им стереотипные негативные качества.

Учебное пособие «Теория социальной работы»³⁰ содержит главу «Сексизм и этнизм как факторы дискриминации человека», в которую входит параграф «Сексизм и антидискриминационная практика социальной работы» (с. 321—329). Ключевые понятия параграфа: дискриминация, феминизм, женщина. В этом же пособии есть параграф «Феномен пола и психосоциальные проблемы клиента» (с. 338—354), где говорится о мужских и женских стереотипах, ролевом поведении в социуме, в семье, на производстве. В пособии по теории социальной работы указывается, что «мотивы женского

²⁸ См. об этом: *Ярская В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р.* «Не мужское это дело...»: Гендерный анализ занятости в социальной сфере // Социол. исслед. 2002. № 8. С. 74—82.

²⁹ Социальная работа / Под общей ред. В. И. Курбатова. Ростов н/Д: Феникс, 1999.

³⁰ *Фирсов М. В., Студенова Е. Г.* Указ. соч.

бродяжничества лежат в глубинных пластах женской психики» (с. 350). Авторы утверждают, что «данная разновидность социальной патологии имеет больше женскую направленность, чем мужскую, поскольку они соотносятся как 6:1. Особенность женского бродяжничества проявляется и в том, что ресоциализация женщин осуществляется труднее, чем ресоциализация мужчин» (с. 351). Между тем в пособии по технологиям социальной работы³¹ в параграфе о «лицах бомж» упоминаются персонажи разного пола: «среди взрослых бомжей больше мужчин, чем женщин» (с. 161). Подобная разноречивость тем более запутывает, поскольку в указанных пособиях отсутствуют ссылки на источник информации о данном явлении.

В учебнике по основам социальной работы³² гендерно-окрашенные персонажи встречаются дважды: это люди с гомосексуальной ориентацией и женщины. О гомосексуальности речь идет в разделе «Девиантное поведение на почве сексуальных заболеваний» (с. 274) следующим образом: «наклонности», которые формируются в силу невозможности «удовлетворять половые потребности с лицами противоположного пола... во время отбывания наказания в местах лишения свободы, а также в период прохождения службы в армии» (с. 275). В разделе «Социальный контроль девиантного поведения» говорится о необходимости формирования терпимого и милосердного отношения к «инакодействующим (сексуальным меньшинствам и пр.)» средствами массовой информации, учебными и просветительскими организациями (с. 278).

Социальной защите женщин в этом учебнике посвящена глава 16 (с. 174—187), в первой части которой дается характеристика содержания и эволюции «женского вопроса»: показывается влияние на женщин идеологических и социально-экономических процессов. В частности, критикуется дарованное «право на труд», которое, как говорится в учебнике, явилось «не средством обретения экономической независимости, а дополнительным механизмом эксплуатации, добавившим к традиционным семейным обязанностям женщины еще и трудовые... Политика в отношении женщин стала определяться с позиции того, что они должны дать обществу» (с. 175). Итог нынешних социальных трансформаций в России показан с отрицательных позиций; женщины показаны как жертвы «так называемой перестройки»: «фактически женщин лишили многих социальных завоеваний: резко снижен их социальный статус... общество пришло к социальной дискриминации женщин во всех сферах общественной жизни. Изменился социально-психологический настрой в женском социуме» (с. 176). Слова «ухудшение», «ухудшилось» повторяются пять раз на трех страницах. В третьей части главы женщины представлены как объект заботы и контроля со стороны государственной политики. Здесь перечислены основные нормативные документы, относящиеся к занятости и социальной защите женщин, реализация которых, впрочем, уже не подвергается сомнению так, как это было сделано в отношении политических решений советского периода в первой части главы.

В учебнике «Социальная политика»³³ дается весьма устаревшее и некорректное определение семьи как основанной на браке и/или кровном родстве малой группы, члены которой объединены совместным проживанием и ведением домашнего хозяйства, эмоциональной связью, взаимными обязанностями по отношению друг к другу (с. 674). В учебнике есть глава 5.1, «Основные социальные группы российского общества», среди которых беженцы и вынужденные переселенцы, бездомные, семья, женщины, инвалиды, молодежь, старики, осужденные. Раздел «Женщины» занимает пять страниц (с. 684—690) и начинается с такого определения: «Женщины представляют социально-демографическую категорию населения, которая отличается рядом физиологических

³¹ Технология социальной работы: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Под ред. И. Г. Зайнышева. М.: ВЛАДОС, 2002.

³² Основы социальной работы: Учебник / Отв. ред. П. Д. Павленок. М.: Инфра-М, 1997.

³³ Социальная политика: Учебник / Под ред. Н. А. Волгина. М.: Экзамен, 2002.

особенностей, специфическим гормональным статусом, положением в социальной структуре... Основная причина выделения женщин в качестве особой социально-демографической группы и специфической категории клиентов социальной работы является биологической предпосылкой целого ряда культурных и социальных последствий» (с. 684). Подобная трактовка женщин как особого биологического вида как раз и выступает основой патриархатных отношений и дискриминации.

Ключевые тематизации параграфа: демографические особенности, здоровье, психическое здоровье, насилие над женщинами, образование, труд и занятость, доход и бедность, проблемы раннего материнства, женщины и развитие человечества. «Обоснование традиционных ролей — не единственная причина проблемных ситуаций, с которыми сталкиваются женщины» (с. 690). О других причинах «проблемных ситуаций» в учебнике не говорится. Но вот о последствиях мы можем узнать. По мнению авторов параграфа, отсутствие равных прав женщин с мужчинами «приводит к морально-психологическим перегрузкам женщин» (с. 690). Сведение последствий гендерного неравенства к морально-психологическим перегрузкам, во-первых, чрезмерно упрощает и индивидуализирует проблему, помещая ее в сферу ценностей и на уровень переживаний конкретной личности, а во-вторых, патологизирует женщин. Как указывают Nichols-Casebolt и др., даже если исследования применяют гендер как переменную, такой подход часто сводится к рецепту «добавить женщину и перемешать»³⁴. Поэтому гендер, скорее, должен использоваться как интегральная и последовательная теоретическая рамка для анализа проблемы в целом.

Гендер как концептуальная основа анализа

В нашей выборке оказалось три таких издания, где гендер, по крайней мере эксплицитно, заявлен как методология теоретической и практической социальной работы. Уже упоминавшееся в предыдущем параграфе пособие по теории социальной работы³⁵ содержит главу под названием «Сексизм и этнизм как факторы дискриминации человека». В параграфе «Сексизм и антидискриминационная практика социальной работы» дается определение сексизма (с. 321), раскрываются его социально-биологические детерминанты, культурный и общественный контекст, затрагивается государственная стратегия в отношении женщин и занятости, говорится о необходимости учета на всех уровнях социальной работы факторов дискриминации по половым различиям (с. 327). Здесь говорится о негетеронормативной социальной работе, феминистской практике социальной работы как об «устранении всех форм дискриминации клиента, изменении системы мировоззрения и ценностного отношения социальной среды *его* обитания». Читая этот параграф, можно только порадоваться передовым и просвещенным взглядам авторов. Однако при ближайшем знакомстве с другой частью пособия читателя может постигнуть разочарование.

В главе «Индивидуальный фактор в контексте проблем клиента» имеется параграф «Феномен пола и психосоциальные проблемы клиента». В этом параграфе появляется фигура мужчины, говорится о том, почему некоторые мужчины становятся клиентами. Оказывается, это происходит из-за кризиса маскулинности: «от мужчин требуется... выполнение ранее не свойственных для них социально-ролевых функций, например, выполнения работ по дому или осуществления ухода за больным ребенком» (с. 340). Отсюда и возникают агрессия, суициды, алкоголизм, мужские стереотипы и сексуальность, появляются проблемы клиента-мужчины в контексте брачно-семейных

³⁴ Nichols-Casebolt A., Krysik J., Hamilton B. Coverage of women's issues in social work journals: Are we building an adequate knowledge base? // Journal of Social Work Education. 1994. № 30; Andersen M. Changing the curriculum in higher education // Signs. 1987. № 12.

³⁵ Фирсов М. В., Студенова Е. Г. Указ. соч.

отношений и психосексуальных конфликтов (с. 344). Проблемы «женщины-клиентки» связаны с кризисом в семейных отношениях, распадом семьи, алкоголизацией, слабым психическим здоровьем. В этом параграфе, очевидно, появляется точка зрения авторов, тогда как предыдущий упомянутый параграф был целиком написан на переводах зарубежной литературы.

Авторы учебного пособия «Психология социальной работы»³⁶, рекомендованного УМО по классическому университетскому образованию для студентов, обучающихся по специальности «Психология», обращаются к категориям гендера в параграфе «Современный структурный подход в социальной работе» главы «Психологические основы методологии социальной работы». Здесь говорится о важности применения антирасистской практики и развития недискриминационных политик и практик, направленных против угнетения, необходимости распознавать сексизм, развивать понимание различий полов и демонстрировать антисексизм в практике социальной работы (с. 55). В целом текст данного пособия сильно опирается на переводы зарубежной социально-психологической литературы, что обуславливает не всегда удачные соответствия и некоторую удаленность от российских реалий. Далее по тексту этой и последующих глав коды гендерных различий встречаются в следующих контекстах: «системные механизмы взаимодействия матери и младенца» (с. 104; авторы обещают здесь рассказать о современных моделях работы с младенцами и их родителями, однако речь ведут только о матери); «психологические проблемы гомосексуальных отношений» (с. 292; здесь в изобилии присутствуют медикалистские объяснения гомосексуальности, которые, к тому же, еще и демонизируют монородительские семьи).

Учебное пособие по социальной работе с пожилыми людьми³⁷ успешно решает задачу применения демографических данных в качестве основы для последующей концептуализации социальных проблем и социальной работы в гендерном аспекте: ввиду численного преобладания женщин над мужчинами в старших возрастах среди населения Российской Федерации автор ставит «актуальную задачу исследования особенностей “женской старости” с точки зрения состояния здоровья, материально-имущественного и семейного статуса, способности к самообслуживанию, специфики социальных потребностей» (с. 86). Демографические факторы, «в том числе пол, возраст, место проживания (деревня или город), супружество, наличие детей, существенное влияние оказывают на семейное положение пожилых людей» (с. 218).

То, что профессия имеет ярко выраженную «женскую специфику», нашло своеобразное выражение в учебном пособии по менеджменту социальной работы³⁸. В этом пособии в целом используется гендерно-неспецифический язык — кадры, лицо, специалист, работники, клиенты, обслуживаемые лица, граждане, — а также местоимения мужского рода: «Когда человек принят на работу, он оказывается в определенных условиях труда» (с. 118). Однако здесь же возникает «заведующая отделением», которая проверяет, *выполнил* ли *работник* свою норму (с. 151). Но интереснее всего то, что в данном пособии есть небольшой фрагмент, в котором феномен пола играет роль концептуальной основы обсуждения проблемы. «Следует учитывать, — пишет автор, — что среди руководителей в системах управления социальной работой преобладают женщины и коллективы в основном женские. Это накладывает отпечаток на стиль и методы управления, психологию взаимоотношений, эмоциональный фон... Кроме того, необходимо учитывать и “домашние роли” женщины-руководителя — мать, жена, домохозяйка и т. д.» (с. 11).

³⁶ Психология социальной работы / Под ред. М. А. Гулиной. М.; СПб.: Питер, 2004.

³⁷ Фирсов М. В., Студенова Е. Г. Указ. соч.

³⁸ Менеджмент социальной работы / Под ред. Е. И. Комарова, А. И. Войтенко. М.: ВЛАДОС, 1999.

Семья и женщины

Отдельно можно отметить учебные пособия, посвященные вопросам, непосредственно связанным с гендерными отношениями, в названиях которых говорится о семейной политике и социальной защите женщин. В учебном пособии по семейной политике³⁹ есть несколько важных, с моей точки зрения, позиций. Во-первых, в самом начале говорится о термине «семья с одним родителем», применяемом Госкомстатом. К сожалению, тут же дается некая типология, видимо, созданная чиновниками «для целей демографического анализа и оказания государственной материальной поддержки», где и начинается путаница, т. к. появляются ненаучные термины из бюрократического фольклора: «Среди неполных семей с одним из родителей выделяются семьи одиноких отцов и матерей с детьми, семьи вдов и вдовцов с детьми, семьи разведенных мужчин и женщин с детьми. К неполным семьям с детьми относят также семьи бабушек и дедушек с внуками и правнуками, тетей и дядей с племянниками» (с. 9). Второй важный момент, освещаемый в этой книге — спор между сторонниками идей кризиса семьи и модернизации семьи (с. 11), а также упоминание экономического обоснования неравенства между женщинами и мужчинами у Энгельса (с. 13). Говорится здесь и о гендерной политике в ряду других «относительно самостоятельных областей социальной политики» (с. 20). Правда, ни принципы, ни направления этой политики не раскрываются.

Пособие по социальной защите женщин, детей и семьи уже самим своим названием⁴⁰ наводит на мысль, что гендерный подход здесь осуществляется с таких позиций, которые жестко связывают проблемы семьи и детей исключительно с женщинами. В книге делается большой упор на классификации семей, среди которых выделяют неблагополучные, а те, в свою очередь, подразделяются на конфликтные и дезорганизованные (с. 21). Другие типы — это аморальная семья, педагогически несостоятельная семья, асоциальная семья (с. 28). Здесь же авторы пишут: «В настоящее время идет разрушение ценностей семьи, брака, материнства. ... Поэтому общество, государство должны изменить свое отношение к семье как социальному институту, чтобы ее сохранить» (с. 32). «К наиболее острым общим социальным проблемам семьи» авторы относят «рост числа неполных семей... изменение традиционных ролей, особенно женщины в семье...» (с. 35). Кстати отметим, что на обложке этого учебного пособия изображена счастливая мать с ребенком, что вполне может сойти и за образ неполной семьи.

Явный сексизм в учебной литературе

Учебное пособие по социальной медицине Е. В. Черносвитова⁴¹ среди проблем социальной медицины, актуальных в постсоветском пространстве, затрагивает «эротизацию населения», а также общие проблемы, фиксируемые как в России, так в странах Запада «в связи с научно-техническими достижениями», включая «изменение половой принадлежности» (с. 21—22). Четвертая глава обсуждает «закономерности возникновения, развития и распространения в обществе здоровья» (с. 47) и заболеваний. Текст изобилует предложениями, которые совсем не ожидаешь увидеть в современном учебном пособии для социальных работников. Автор яростно нападает на противозачаточные средства: «Последствия применения этих препаратов хорошо известны: бесплодие, выкидыш, рождение уродов. Более того, каждая десятая, систематически принимающая противозачаточные препараты, погибает от острого нарушения мозгового кровообращения» (с. 56). При этом контрацептивная культура более никак не обсуждается, а социально-медицинские аспекты абортов и беременности

³⁹ Климантова Г. И. Указ. соч.

⁴⁰ Зубкова Т. С., Тимошина Н. В. Указ. соч.

⁴¹ Черносвитов Е. В. Социальная медицина: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2000.

подростков затрагиваются в параграфе с характерным названием «Медико-деонтологические проблемы смертной казни и эвтаназии».

Позиционируя себя сторонником Ломброзо (с. 149), который был известен своими идеями об «атавизме» преступника и «особенно не щадил женщин-преступниц», Черношвитов рассказывает о важности учета в социальной медицине особенностей личности и характера преступника. В ходе обсуждения морфологических сюжетов автор приходит к морализаторским клише: «женские прелести [фотомоделей] отражают тягостную синдромологическую картину нарушения всех составляющих функции деторождения» (с. 173); «женщины красят ногти лаком разного цвета в разные периоды, иногда совершенно не давая себе отчет, почему они выбирают тот или иной цвет. Это тоже характерный социальный синдром» (с. 182). Такой очевидный сексизм, гомофобия (как и этноцентризм) не мешают автору издавать одно за другим свои пособия, хрестоматии и практикумы, в которых он раз от разу воспроизводит дискурсивные практики, нацеленные на ущемление достоинства людей.

Заключение

Сегодня растет число исследований, которые концептуализируют гендер в условиях современного трансформирующегося общества. Обсуждая понятия и проблемы гендера, авторы касаются экономических, политических и культурных контекстов, полагая их в качестве тех условий, в которых категории пола становятся ключевыми. Гендер внедрен в социальные, политические и экономические структуры, причем формы этих структур позволяют ему «отливаться» в разнообразных проявлениях и выражать свою социальную значимость⁴². Таким образом контекстуализация гендерных идентичностей становится многомерной, включая социальный, экономический, политический, гендерный и классовый компоненты. Между тем в проанализированных изданиях никак не используются новые гендерные исследования в России и СНГ, но в ряде из них привлекаются переводы зарубежных учебных материалов, международные и отечественные законодательные документы, этические кодексы. Технологии нондискриминационной или мультикультурной социальной работы, активной толерантности, социально критической позиции пока что в учебной литературе не раскрыты.

Скорее всего, умолчание о гендере означает незнание и игнорирование тематики, но вряд ли в этих случаях свидетельствует о сознательном выборе биодетерминистских позиций. Там же, где гендерные коды встречаются, прежде всего речь идет о женщине. Женщина как слой, специфическая группа, по-особому девиантная в одном ряду с бесполоыми «нищими и безработными», — обычное явление в текстах по социальной работе. В большинстве проанализированной учебной литературы в качестве персонажа с половыми признаками выступает именно женщина, что показательно для патриархального представления о норме как «белом мужчине среднего класса, имеющем работу» и патоцентричных представлений о социальной работе в целом. Анализа гендерной специфики социальных проблем или социальной работы здесь мы не найдем. В рассмотренных изданиях встречаются единичные упоминания гендерной специфики поведения или социальных проблем.

В ряде учебных пособий гендер выступает в качестве переменной или демографического конструкта. Употребляя гендер как переменную, авторы констатируют половые различия ухода за инвалидами или отбывания наказания в исправительном учреждении. Чаще всего в таких случаях половые различия предстают биологическими овеществленными сущностями, а социальные условия их конструирования не принимаются в расчет. Если же к бинарной категории пола прибегают как к демографическому параметру, то в тексте этим упоминанием и ограничиваются,

⁴² *Fenton S. Ethnicity: Racism, Class and Culture. London: Macmillan, 1999. P. 21.*

поскольку дальнейший анализ проводится по совершенно другим, не связанным как с полом, так и между собой направлениям (возраст, инвалидность и пр.). Некоторые авторы апеллируют к «функциональным тестам» и иным биологизаторским толкованиям, но в этих изданиях никак не упоминаются гендерные исследования в духе социального конструктивизма и критического подхода. Весьма устойчивым ходом в духе патриархатной государственной идеологии являются морализаторские сетования по поводу матерей вообще, которые классифицируются на правильных и неправильных, и одиноких матерей в частности, — эти персонажи однозначно аморальны, неблагополучны и опасны как для своих собственных детей, так и для общества в целом.

Наибольшее развитие гендер как концепция находит в тех редких учебных пособиях, написанных на иностранном материале, где излагаются западные теории, поддерживаемые иллюстрациями из западных же исследований. Современные отечественные гендерные исследования пока не привлекли внимание авторов большинства учебных пособий, а известные зарубежные теории не совсем применимы к отечественным реалиям. Однако, даже в этих пособиях концептуальное представление о гендерных различиях в аспекте прав человека или факторов формирования социальных проблем упоминаются мимоходом: как правило, им посвящается небольшой фрагмент одного из разделов, а дальнейшее повествование ведется не на построенных основаниях гендерной теории, а вне этих оснований или даже вопреки им.